

Голоса молодых

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

И.М. Кормушкина*

За последние несколько лет на международной арене произошли кардинальные перемены, во многом положительно изменившие сами основы международных отношений. Это оказало и продолжает оказывать влияние на пересмотр и даже переоценку многих прежних концепций и понятий международного права.

Как известно, ряд лет наряду с понятием "международный терроризм" широко употреблялось понятие "государственный терроризм". Вопрос об их содержании и соотношении всегда вызывал дискуссии, которые в настоящее время в связи с деидеологизацией международных отношений потеряли свою остроту. Вместе с тем многочисленные примеры последнего времени показывают, что использование государством террористических методов и средств для достижения определенных целей, к сожалению, сохраняется.

В отечественной международно-правовой литературе под международным терроризмом понимались террористические акты, организуемые, поддерживаемые либо поощряемые государством¹, поэтому вопрос о соотношении данных понятий не возникал. На Западе в целом и особенно в США в конце 70-х и в начале 80-х годов возобладала тенденция ставить знак равенства между международным терроризмом и терроризмом, поддерживаемым государством.

Когда же многочисленные случаи показали, что акты международного терроризма могут совершаться как государствами, так и автономно действующими группами физических лиц, то термин "государственный терроризм" стали понимать как обозначение наиболее опасной разновидности международного терроризма². Правда, опять-таки там этот термин еще недостаточно широко использовался. Так, в некоторых работах приводится простое разграничение террористических актов международного характера по субъектам ответственности без применения каких-либо специальных терминов³.

* Аспирантка кафедры государственного и международного права Казанского государственного университета.

Наиболее часто термин "государственный терроризм" начал употребляться после принятия в 1984 году на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 39/159 "О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах". Так как в принципе развернутого определения понятия "государственный терроризм" эта резолюция не содержала (лишь в самых общих чертах он определялся как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя суверенных государств, дестабилизацию и свержение их законных правительств), возникла необходимость более четкого выделения основных критериев квалификации акта незаконного применения государством силы в качестве акта государственного терроризма и соотношения последнего с актами агрессии и международного терроризма⁴.

Однако до сих пор общепризнанного определения понятия "государственный терроризм" доктрине международного права выработать не удалось (как, впрочем, и понятия "международный терроризм"). Как отмечает в своей работе Е.Г. Ляхов, государственный терроризм "хоть и исследовался в СССР, но обстоятельной и приемлемой правовой и международно-правовой характеристик, определяющих его возможное место среди иных категорий, пока не имеет"⁵.

Некоторые исследователи указывают как одну из возможных причин сложившейся ситуации противоположность подходов государств к пониманию ими актов государственного терроризма. В частности, комментируя указанную выше резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 39/159, многие отечественные авторы оценивают ее принятие как реакцию большинства стран на проводимую в то время администрацией США кампанию по обвинению национально-освободительных движений и ряда развивающихся стран в международном терроризме, а Советского Союза и других социалистических стран — в его поощрении и пособничестве. Так, авторы научно-аналитического обзора "Международная борьба с терроризмом" пишут, что "Генеральная Ассамблея ООН противопоставила организованному американской администрацией наступлению на права народов и представляющих их организаций, добивающихся национального и социального самоопределения, принципиально иное толкование государственного терроризма"⁶.

Действительно, эта резолюция была принята на основе проекта, предложенного СССР, и ее главным тезисом было обвинение "империалистических государств" в ущемлении права народов и наций на самоопределение. Именно поэтому США, Англия, Израиль и некото-

рые другие западные страны – в основном союзники по НАТО (всего 29 государств) – воздержались при ее голосовании.

Несмотря на эти, казалось бы, явные расхождения, представляется, что в принципе государства были едины в своей оценке сущности государственного терроризма. Они признавали, что его акты представляют собой несравнимо большую опасность, нежели акты международного терроризма, совершаемые физическими лицами, действующими автономно; что он является одной из форм незаконного использования силы в международных отношениях, направлен против суверенитета, независимости и демократии и в конечном счете дестабилизирует политические и экономические системы суверенных государств.

Однако на этом совпадение позиций заканчивалось и начинались взаимные обвинения друг друга в совершении акций такого рода. Зачастую причиной разногласий являлось также то, что одним и тем же термином определялись разные по своей сути явления. Наглядным примером "разночтения" термина "государственный терроризм" может служить его характеристика, данная И.П. Блищенко. По его мнению, существуют три вида государственного терроризма:

- 1) терроризм, осуществляемый вооруженными силами одного государства в виде вооруженного нападения или агрессии против прав другого суверенного государства;

- 2) терроризм в виде тайных подрывных операций спецслужб империалистических держав против государственных, политических или общественных деятелей, а также против народа той или иной страны;

- 3) терроризм в виде преступных действий, актов диктаторских режимов против собственного народа, своих соотечественников⁷.

Обозначение в данном случае как минимум трех разных по своему содержанию и непосредственной опасности для международных отношений явлений одним и тем же термином усложняет и без того непростой вопрос. Ибо при упоминании термина "государственный терроризм" возникает необходимость уточнять, что же конкретно имеется в виду на этот раз.

На проходившей в 1987 году в Женеве международной конференции по вопросам терроризма была дана расширительная, политическая трактовка понятия "государственный терроризм". В части I Декларации по терроризму, принятой в ходе конференции, было зафиксировано 11 видов государственного терроризма. И оказалось, что помимо традиционно выделяемых действий под данное определение подпали и случаи размещения ядерного оружия на территории другого государства, развертывание систем ядерного и космического оружия, продажа оружия участникам региональных конфликтов и т.п.⁸

Это вызывает необходимость хотя бы наметить основные критерии разграничения понятий, поскольку уточнение содержания используемых определений явится одним из условий правильного выбора наиболее эффективной системы международно-правовых мер, направленных на искоренение таких преступных деяний.

В иностранной литературе получило распространение отождествление агрессии с государственным терроризмом. В связи с этим указывается, что последний включает в себя действия, уже запрещенные международным правом, и нет необходимости вводить дополнительный термин. Поэтому некоторые авторы считают, что вопросы, например, имплементации международного права представляют собой больший интерес, чем определение государственного терроризма⁹. По мнению А. Рубина, юридические и политические факторы, лежащие в основе решения проблемы военных преступлений, равно применимы и для решения проблемы "терроризма"; и разработка концепции "государственного терроризма" является "как неподходящей, так и излишней"¹⁰.

Но подавляющее большинство работ по этой проблеме, изданных на Западе (в особенности до середины 80-х годов), посвящено обоснованию тезиса о том, что государственный терроризм представляет собой не что иное, как один из элементов внешней и внутренней политики советского государства¹¹. Характерно в этом плане высказывание П. Уилкинсона о том, что "просьба к Советскому Союзу принять участие в борьбе против международного терроризма была бы довольно сходной с приглашением главаря мафии проконтролировать силы полиции"¹².

Подобный подход далек от объективного рассмотрения этой проблемы и является скорее отражением политических взглядов, нежели правовым анализом.

К сожалению, и наша позиция не всегда была свободна от идеологических "шор" (о чем свидетельствует немалое количество работ советских авторов, название которых говорит само за себя)¹³. И все же именно в отечественной международно-правовой литературе делались попытки юридического анализа данной проблемы и содержались более четкие и разработанные с правовых позиций характеристики государственного терроризма.

Обобщение высказывавшихся мнений по соотношению понятий государственного и международного терроризма, а также государственного терроризма и агрессии позволяет выделить следующее.

Изначально государственный терроризм рассматривался как наиболее опасный вид международного терроризма, с учетом того, что субъектами ответственности за совершение террористических актов международного характера выступали государства¹⁴. Е.Г. Ляхов

данный термин в своих работах не использует, но также выделяет террористические акты, затрагивающие международные отношения, в отдельную группу в случае, когда "субъектом преступления является государство". Он рассматривает их как наиболее опасные для международного правопорядка и квалифицирует как международное преступление (террористические акты, совершаемые автономно действующими физическими лицами, он определяет как "вид терроризма, затрагивающего международные отношения")¹⁵. На подобных позициях стоит и Л.А. Моджорян, она также проводит разграничение между международным терроризмом как преступлением международного характера и государственным терроризмом как международным преступлением¹⁶.

Однако при характеристике действий, составляющих данное преступление, ученые дают, как представляется, чрезмерно широкую трактовку этого понятия. Отмечая, что государственный терроризм – это организация и поощрение государством именно террористических актов, сюда же они относят и акты агрессии, и наемничество, и применение мер экономического давления, и политический шантаж.

В этом плане показательно определение, данное Л.А. Моджорян в монографии "Терроризм на море". Так, в главе, специально посвященной государственному терроризму, она ссылается на высказывания по этой проблеме представителей ряда государств в Шестом комитете ООН, согласно которым государственный терроризм может быть классифицирован по двум формам его проявления: а) выступление государства в роли подстрекателя и организатора террористов и б) совершение террористических актов существующими в государстве спецслужбами. Но вот какой вывод делается в этой работе: "Таким образом, государственный терроризм – это тактика организованного насилия государства или его органов, построенная на экономическом давлении, психологическом воздействии, политическом нажиме, военном вторжении"¹⁷. То есть насилие автором понимается очень широко – и в экономическом, и в психологическом, и в военном аспектах, причем военное вторжение, по мнению Л.А. Моджорян, одновременно будет являться прямым актом агрессии.

Практически так же характеризует объективную сторону государственного терроризма У.Р. Латыпов. Он согласен с тем положением, что акты международного терроризма, к подготовке и совершению которых причастно государство, квалифицируются одновременно и как акты государственного терроризма. Однако, как считает автор, высказывающееся в литературе мнение о том, что государственный терроризм есть разновидность международного, ошибочно и носит односторонний характер. "То, что государственный терроризм аккумулирует в себе такие международные преступления,

как агрессия, наемничество, "психологическая война", а также противоправное применение экономической силы, со всей очевидностью свидетельствует о том, что он не может рассматриваться как разновидность международного терроризма, объективная сторона которого намного уже и в конечном итоге заключается в актах насилия, направленных на физическое уничтожение политического противника"¹⁸. Соотношение же государственного терроризма и агрессии можно охарактеризовать как соотношение общего и особенного. "Агрессия — это одновременно и акт государственного терроризма, но содержание понятия государственного терроризма не исчерпывается только актом агрессии"¹⁹. Отличие государственного терроризма от иных форм незаконного применения силы или угрозы силой, по мнению автора, заключается в том, что в данном случае целью является устрашение, терроризирование политического противника²⁰. На этой основе У.Р. Латыпов предлагает свой вариант определения государственного терроризма: "Это международно-противоправное применение государством силы или угрозы силой для устрашения другого государства и народов с целью изменения их общественно-политического строя или иного посягательства на их национальный или государственный суверенитет"²¹. Думается, что такое понимание государственного терроризма близко соприкасается с содержанием понятия агрессии.

Существует и такая точка зрения, которая отождествляет акты международного терроризма, осуществляемые при участии и поддержке государств, с актами агрессии. Этому мнению придерживаются И.П. Блищенко, Н.В. Жданов, И.И. Карпец, Ю.А. Решетов и другие авторы. "Мы ныне привыкли к термину "государственный терроризм", — пишет И.И. Карпец. — Я его воспринимаю как политический термин. Для юриста же понятнее термин "агрессия", то есть нападение одного государства на другое"²². Аналогичное мнение высказали Ю.А. Решетов и Н.Б. Крылов: "Типичный пример... государственного терроризма — американская интервенция против Гренады. Это акт агрессии, имеющий террористическую направленность"²³. И.П. Блищенко и Н.В. Жданов считают, что террористические акты, совершаемые властями какого-либо государства на территории другого государства, либо допущение или поощрение какой-либо деятельности на территории данного государства, рассчитанной на совершение террористического акта в другом государстве, необходимо квалифицировать как акты косвенной агрессии. Авторы добавляют, что данные действия иногда называют государственным терроризмом²⁴. Здесь необходимо отметить, что в советской международно-правовой литературе говорилось о необходимости различать акты государственного терроризма и акты агрессии. Так, Г.В. Шармазанашвили и А.К. Ци-

кунов (определяя в самых общих чертах государственный терроризм как терроризм, осуществляемый в интересах какого-либо государства и по поручению государственных органов) предлагают в качестве критерия разграничения характер используемых действий. По их мнению, государственный терроризм осуществляется тайно, через третьих лиц и направлен против физических лиц с целью их уничтожения. А агрессия всегда носит открытый характер, осуществляется против другого государства непосредственно и может иметь как прямой, так и косвенный характер²⁵.

Два варианта решения проблемы соотношения данных понятий было предложено Т.С. Бояр-Созонович:

1. Подразделение международного терроризма на два вида и закрепление за ними двух разных терминов: "международный терроризм" в тех случаях, когда террористическая деятельность совершается, инспирируется или поощряется государством, и "трансграничный терроризм", если субъектом выступают автономно действующие физические лица либо их организации²⁶.

По сути, такое использование терминов является возвращением к тому времени, когда террористические акты международного характера, совершаемые физическими лицами, не рассматривались как представляющие угрозу интересам международного сообщества.

2. Отказ от выделения государственного терроризма в самостоятельный вид международного преступления и сведение его к уже признанным международным преступлениям – войне, агрессии и т.д.²⁷

Таковы основные подходы к проблеме определения понятия "государственный терроризм", существующие в нашей доктрине международного права.

В западной литературе высказывались предложения отказаться от данного термина вообще. В специальном обзоре зарубежной литературы М.Л. Энтин и Н.В. Атливанников пишут, что иностранные авторы выход проблематики государственного терроризма на авансцену международных отношений считают лишь дополнительным поводом или предлогом для взаимных обвинений и эскалации двусторонних конфликтов²⁸. Предложение отказаться от данного термина объясняется, по мнению М.Л. Энтина, еще и тем, что "концепция государственного терроризма, нашедшая отражение в резолюции 39/159, а затем и во фразеологии определенной части членов ООН, диаметрально противоположна главенствующим в науке, и прежде всего в западной политологии и доктрине международного права, представлениям о государственном терроризме как использовании правящей верхушкой аппарата принуждения против политической оппозиции и собственных граждан"²⁹.

Представляется, что до тех пор, пока государства будут причастны к совершаемым террористическим актам международного характера, остается необходимость обозначения их особым термином, чтобы выделить из общей массы террористических актов ввиду их повышенной опасности для международного мира и безопасности. И лучшего термина, чем "государственный терроризм", пока не представляется возможным применить, поскольку именно он позволяет наглядно отграничить данные действия от других форм незаконного использования силы в международных отношениях.

Проанализировав существующие точки зрения по рассматриваемому вопросу, наиболее правильным представляется определение государственного терроризма как наиболее опасного вида международного терроризма. С учетом специфики и сущности последнего нами предлагается ограничить круг деяний, входящих в понятие "государственный терроризм", понимая под ним лишь террористические акты, организуемые или поощряемые каким-либо государством. Это такого рода действия, как политические убийства представителей иностранных государств, политических и общественных деятелей, организуемые спецслужбами, иные террористические акции за рубежом, осуществляющиеся ими же (например, организация убийства представителя ООП израильскими спецслужбами на территории Туниса в 1988 г., причастность ливийских спецслужб к взрывам двух пассажирских самолетов в 1988–1989 гг. и т.д.), а также финансирование, поддержка, обучение террористических групп. Это действительно наиболее опасный вид международного терроризма.

Когда же государственный терроризм рассматривается как явление, включающее в себя помимо собственно террористических актов агрессию, наемничество и другие подобные акты, то, думается, в этом случае правильнее будет говорить о преступной политике, но не о конкретном самостоятельном международном преступлении. Некоторые авторы обосновывают свою точку зрения ссылкой на положения упоминавшейся резолюции 39/159. Заметим, однако, что и в резолюции, и в Меморандуме о развитии международного права (принятом на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) говорится именно о политике государственного терроризма и отмечается, что эта политика проявляется в агрессии, необъявленных войнах и других открыто противоправных действиях против неугодных стран и народов.

Агрессия представляет собой самостоятельное международное преступление, ее нельзя отождествлять с государственным терроризмом либо рассматривать их как соотношение общего и особенного. Ни с теоретической (в плане познания сути исследуемого явления), ни с практической (в плане выработки конкретных мер, направлен-

ных на искоренение данных преступных деяний) сторон такой подход не дает никаких преимуществ. Агрессия и непосредственно террористические акты представляют собой все же разнопорядковые явления и требуют, соответственно, применения различных механизмов ответственности государств.

Кроме того, обозначение одним и тем же термином в разных ситуациях различных деяний осложняет выработку единого подхода в сфере совместных действий государств по борьбе с незаконным использованием силы на международной арене. А потому дальнейшая разработка критериев четкого разграничения понятий "международный терроризм" и "государственный терроризм" продолжает сохранять свое научное и практическое значение.

Как считает Л.А. Моджорян, определение понятия "международный терроризм" не вызывает особых проблем³⁰. Вряд ли можно согласиться с подобным взглядом; показательно, что государства не смогли прийти к единому мнению и за два десятилетия обсуждения этого вопроса в ООН.

В национальном законодательстве ряда государств встречаются варианты подобных определений. Так, правительство США приняло их более десяти, но они отнюдь не идентичны между собой³¹. Да и в доктрине международного права некоторые авторы насчитывают более 120 таких определений³².

Попытаемся дать свое видение этой проблемы.

Теоретически любой международный террористический акт должен включать в себя три стороны: террориста, его непосредственную жертву (или непосредственный объект нападения) и лиц, которые в действительности и являются объектом воздействия, так как "цели террористического акта достигаются путем психологического воздействия на индивидов, не являющихся непосредственно жертвами насилия"³³. Такая схема нашла свое отражение во многих существующих определениях: деяние рассматривается как акт международного терроризма, если оно совершается в определенных политических целях – осложнения международных отношений, дестабилизации государственного правопорядка в определенных странах, воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государств и т.п.³⁴ Отсюда логически следует, что если, например, при угоне воздушного судна не было заявлено политических требований и преступники использовали самолет с тем, чтобы избежать уголовной ответственности, то данное преступление следует квалифицировать не как акт международного терроризма, а как акт международного бандитизма³⁵.

Представляется, что реалии сегодняшнего дня требуют пересмотра подобных взглядов и признания террористическими любых актов насилия (независимо от того, были ли предъявлены политические тре-

бования или преследовались цели уголовного характера) при условии, что они направлены против объектов, особо охраняемых международным сообществом. В пользу такого подхода свидетельствует и то, что государства осудили акты терроризма независимо от мотивов их совершения и преследуемых целей³⁶ и традиционно рассматривают конвенции, направленные на борьбу с преступлениями против международной гражданской авиации, с захватом заложников и т.п., в качестве антитеррористических³⁷.

Как видим, международный терроризм может выражаться в самых разнообразных деяниях. По нашему мнению, актом международного терроризма является незаконный акт применения насилия или угрозы его применения, затрагивающий интересы двух и более государств, выражающийся в виде преступлений против безопасности международной гражданской авиации, лиц, пользующихся международной защитой, и иных действий, признанных международным сообществом формами международного терроризма. Деяние считается затрагивающим интересы двух и более государств, если оно:

а) направлено против гражданина или собственности иностранного государства;

б) совершено на территории иностранного государства;

в) направлено против членов международной организации или ее собственности в связи с деятельностью данной организации.

Соответственно, если такой акт насилия организован или осуществлен при поддержке государства или если государство оказывает террористическим организациям финансовую, военную, материально-техническую и иную помощь, то это будет уже актом государственного терроризма³⁸.

Настоящая статья, разумеется, не может претендовать на исчерпывающий анализ рассматриваемой темы, и предложенные определения понятий международного и государственного терроризма являются одним из возможных вариантов решения вопроса их соотношения.

¹ См. **Трайнин А.Н.** Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. — М., 1965. — С. 355; **Левин Д.Б.** Ответственность государств в современном международном праве. — М., 1966. — С. 83; **Ромашкин П.С.** Преступления против мира и человечества. — М., 1967. — С. 174.

² См. **Старушенко Г.Б.** Правовые аспекты борьбы с международным терроризмом/Тезисы доклада. XXIX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права. — М., 1986. — С. 14.

³ См. **Ляхов Е.Г.** Политика терроризма — политика насилия и агрессии. — М., 1987. — С. 60—61.

⁴ Этих вопросов касались в своих работах многие наши юристы-международники, такие как **И.П. Блищенко**, **Н.В. Жданов**, **И.И. Карпец**, **У.Р. Латыпов**, **Е.Г. Ляхов**, **Л.А. Моджорян**, **Ю.А. Решетов** и другие.

- ⁵ Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. — М., 1991. — С. 15.
- ⁶ Международная борьба с терроризмом (правовые аспекты): научно-аналитический обзор. — М., 1989. — С. 13.
- ⁷ См. Азия и Африка сегодня. — 1987. — № 6. — С. 17.
- ⁸ См. Terrorism and National Liberation. — Frankfurt a/M., 1988. — P. 309–310.
- ⁹ См. German Yearbook of International Law. — 1988. — Vol. 31. — P. 302.
- ¹⁰ International Law Association. — Paris Reunion/Report. — 1984. — P. 167.
- ¹¹ См. Micolus E.F. Literature of Terrorism. — London, 1980. — P. 241–247.
- ¹² Wilkinson P. Fighting the Hudra; International Terrorism and the Rule of Law//Terrorism, Ideology and Revolution. — Brighton, 1986. — P. 213.
- ¹³ См. Грачев А. Терроризм как орудие империалистической политики//Международная жизнь. — 1982. — № 3. — С. 49–60; Решетов Ю.А. Политика государственного терроризма США — орудие империалистической реакции//Партийная жизнь. — 1986. — № 11. — С. 77–80; Шрагин В.О. Терроризм — государственная политика США. — М., 1984 и др.
- ¹⁴ См. Старушенко Г.Б. Указ. соч. — С. 14; Блищенко И.П., Жданов Н.В. Международно-правовая борьба с терроризмом//Правоведение. — 1975. — № 1. — С. 88.
- ¹⁵ Ляхов Е.Г. Политика терроризма — политика насилия и агрессии. — С. 60–61.
- ¹⁶ См. Моджорян Л.А. Терроризм — правда и вымысел. — М., 1986. — С. 14–15.
- ¹⁷ Моджорян Л.А. Терроризм на море. — М., 1991. — С. 84–85.
- ¹⁸ Латыпов У.Р. Международно-правовая борьба с государственным терроризмом//Дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. — М., 1988. — С. 46–47.
- ¹⁹ Латыпов У.Р. Об определении понятия "государственный терроризм"//СЕМП. 1986. — М., 1988. — С. 328–329.
- ²⁰ Там же. — С. 327.
- ²¹ Латыпов У.Р. Международно-правовая борьба с государственным терроризмом. — С. 37.
- ²² Карпец И.И. Международная преступность. — М., 1988. — С. 65.
- ²³ Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Государственный терроризм — угроза международной безопасности//Сов. государство и право. — 1987. — № 2. — С. 81.
- ²⁴ См. Блищенко И.П., Жданов Н.В. Сотрудничество государств в борьбе против террористических актов международного характера//Сов. государство и право. — 1981. — № 8. — С. 112–113.
- ²⁵ См. Шармазанашвили Г.В., Цикунов А.К. Право народов и наций на свободу и независимость. — М., 1987. — С. 73.
- ²⁶ См. Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. — Киев — Одесса, 1991. — С. 140.
- ²⁷ Там же. — С. 142.
- ²⁸ См. Международная борьба с терроризмом. — С. 37.
- ²⁹ Энтин М.Л. Сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом. Некоторые новые тенденции//Новое политическое мышление и процесс демократизации. — М., 1990. — С. 31.
- Объективности ради следует, однако, отметить, что в зарубежных работах для обозначения незаконного насилия, применяемого государственными органами против собственных граждан, чаще используется термин "государственный террор".
- ³⁰ См. Моджорян Л.А. Терроризм на море. — С. 27.
- ³¹ См. Laquer Y. Reflections on Terrorism//Foreign Affairs. — 1986. — P. 88.

³² См. *International Terrorism as a Political Weapon*. — Oslo, 1988. — P. 27.

³³ *Waugh W.L. International Terrorism: How Nations Respond to Terrorists*. — Salzburg, 1982. — P. 27.

³⁴ См., например, определение терроризма, принятое Конгрессом США (*Orbis (J. World Affairs)*). — 1984. — Spring. — P. 41); Блищенко И.П., Жданов Н.В. Сотрудничество государств в борьбе против террористических актов международного характера. — С. 113; Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. — М., 1983. — С. 108 и др.

³⁵ См. Ляхов Е.Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. — М., 1979. — С. 9.

³⁶ См. *Итоговый документ Венской встречи представителей государств — участников СБСЕ*. — М., 1986. — С. 8–9.

³⁷ См., например, резолюции ГА ООН 34/145 от 17.12.79, 46/51 от 27.01.91; статью 1 Европейской конвенции 1976 года о борьбе с терроризмом; статью 1 Региональной конвенции СААРК по пресечению терроризма 1987 года.

³⁸ При таком подходе за рамками определения государственного терроризма остается проблема использования наемников и т.п. Более правильным представляется позиция государств, отраженная в резолюции ГА ООН по определению агрессии, где данное преступление при определенных условиях рассматривается в качестве акта агрессии (п. "g").

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНЦИПА ПРАВА НАЦИЙ НА САМО-ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Е.В. Тимофеев*

События последних лет — политическое брожение в целом ряде государств, распад считавшихся ранее незыблемыми федераций, военные межнациональные конфликты между группами населения, ранее вполне мирно уживавшимися на одной государственной территории, — вновь заставляют обратиться к содержанию принципа права наций на самоопределение. Сегодня, в эпоху новых международных реалий и потребностей, правомерно ставить вопрос о праве на существование принципа права наций на самоопределение как таковом.

История возникновения и развития права наций на самоопределение

Историческим предшественником права наций на самоопределение считается принцип национальности, возникший в XVIII веке, в эпоху демократических революций в Западной Европе. Круше-

* Студент V курса международно-правового факультета МГИМО МИД РФ.